

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Новые материалы, собранные за последние два десятилетия, и исследования языков тунгусо-маньчжурской группы ставят тунгусоведов перед необходимостью пересмотра традиционной классификации этих языков: несоответствие ее показаниям языков не раз отмечалось попутно в ряде работ¹. Ввиду того что вопросы классификации в практической работе не имели большого значения, они до сего времени оставались в тени.

В своем неопубликованном исследовании «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов»², сравнивая лексические и грамматические материалы тунгусо-маньчжурских языков, мы пришли к выводу о необходимости новой классификации внутри тунгусо-маньчжурской группы языков. Этот вопрос был поднят в нашем докладе «К вопросу о начале становления тунгусских языков» на совещании по методологии этногенетических исследований, организованном в 1951 г. институтами АН СССР: языкознания, этнографии, истории материальной культуры и истории³. В настоящее время вопрос о пересмотре классификации ставят и нанаеведы (Аврорин, Суник), которые считают, что объединение в одну подгруппу с маньчжурским родственных языков Нижнего Приамурья не соответствует лингвистическим данным.

Если большинство специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам с полным основанием предлагает выделить в особую ветвь или подгруппу маньчжурский язык с его диалектом сибо и чжурчженский письменный язык⁴, то в вопросе классификации остальных тунгусо-маньчжурских языков они расходятся. В. А. Аврорин предлагает разделить остальные языки на две ветви: северную (эвенкийский, эвенский, негидальский и солонский языки) и южную (нанайский, ульчский, орокский, удэйский и ороцкий), принимая, таким образом, трехчленное деление внутри тунгусо-маньчжурской группы (в качестве третьей ветви выделены маньчжурский язык, его сибирский диалект и чжурчженский язык)⁵. О. П. Суник сохраняет двучленное деление всей группы на две ветви: маньчжурскую и тунгусскую, предлагая последнюю в свою очередь разделить на две подгруппы: «эвенкийскую» (языки эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский) и «нанайскую» (языки нанайский, ульчский, орокский, ороцкий и удэйский)⁶.

¹ См., например: В. И. Ц и н ц и у с. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 35; О. П. С у н и к, Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку, Л., 1958, стр. 16, примеч. 1; В. А. А в р о р и н, Новые исследования по языкам народностей Севера, ИАН ОЛЯ, 1957, вып. 5, стр. 472—473.

² Краткую аннотацию этого исследования см.: Г. М. В а с и л е в и ч, Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», I, 1946.

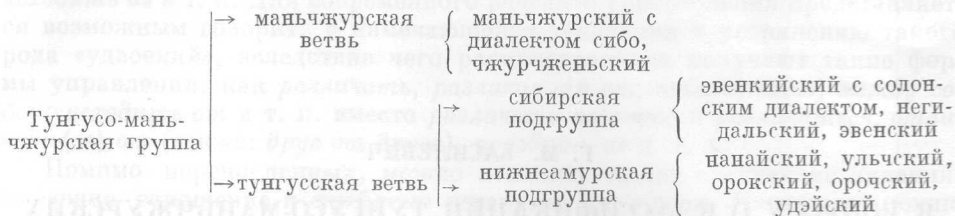
³ См. об этом: ИАН СССР. Серия истории и философии, 1951, № 6, стр. 576.

⁴ См. обоснование этого выделения: В. А. А в р о р и н, Новые исследования по языкам народностей Севера, стр. 473.

⁵ Третью ветвь в вышеуказанной работе он называет восточной (стр. 473), а в своей «Грамматике нанайского языка» (т. I, М.—Л., 1959, стр. 3) — западной ветвью.

⁶ О. П. С у н и к, указ. соч., стр. 16, примеч. 1.

Наша классификация совпадает с последней, отличаясь названием подгрупп:

Мы считаем, что деление всей группы языков на две ветви отвечает историко-этнографическим и лингвистическим фактам. В частности, после работ В. А. Аврорина по вопросу о выделении маньчжурской ветви едва ли возникнут какие-либо возражения.

Правильность объединения всех остальных языков в одну ветвь — тунгусскую (как это предлагает и О. П. Суник) подтверждается следующими фактами: 1) в составе любой народности Нижнего Приамурья преобладают роды раннего — тунгусского — и позднего — эвенкийского — происхождения⁷, в то время как количество родов маньчжурского происхождения, входящих в состав этих народностей, относительно меньше; вхождение группы эвенков в состав, например, нанайской народности (роды Кили и Самар) продолжалось еще в конце XIX в.⁸; 2) предметы общетунгусской и эвенкийской культуры, будучи занесены древними тунгусами и эвенками на Амур и попав в среду оседлых (а не бродячих охотников горной тайги, какими были древние тунгусы и поздние эвенки) охотников-рыболовов, были видоизменены в соответствии с местными условиями и превращены в их нижнеамурские варианты (ср., например, лодку-берестянку, лыжи, колыбель, штаны, ноговицы и обувь); многие из таких предметов, как, например, лук, самострел, копье, конический чум, покрытия из бересты («тиски») и др., сохранены без каких бы то ни было изменений. Почти весь быт, связанный с охотой и жизнью в тайге, у народов Нижнего Приамурья является общим с эвенкийским, и соответствующие названия — в большинстве случаев одними и теми же; в орнаменте этих народов также сохраняется еще много тунгусских элементов. В языках этих народов также много древнетунгусских и эвенкийских элементов; количество их значительно превышает число маньчжурских.

Исключив общие элементы, имеющиеся во всех языках тунгусо-маньчжурской группы, рассмотрим в языках Нижнего Приамурья грамматические элементы тунгусского и эвенкийского происхождения, с одной стороны, маньчжурского — с другой. Элементами тунгусского происхождения мы называем такие, которые имеются во всех языках Нижнего Приамурья и которые не характерны для языков маньчжурской ветви. Элементами эвенкийского происхождения мы называем такие, которые имеются лишь в некоторых языках и говорах Нижнего Приамурья. Эти элементы могут быть характерными только для определенных диалектов эвенкийского языка и свидетельствуют о самых поздних вхождениях небольших групп эвенков в состав той или иной народности Нижнего Приамурья.

⁷ См. об этом Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 405, 406, 466; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 26—27; Т. И. Петрова, Ульчский диалект нанайского языка, М.—Л., 1936, стр. 7—10; В. Г. Ларькин, Некоторые данные о родовом составе удэгейцев, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVII, 1957, стр. 36—41; А. В. Смольяк, К вопросу о происхождении ороков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXI, 1954.

⁸ Например, в силу разновременности вхождения эвенков из рода Самар-Саматир в состав нанайских родов, современные нанайцы из рода Самар говорят на разных говорах; см. об этом: V. Diószegi, Le problème de l'éthnogenèse des samaghirs, «Acta orientalia», t. III, fasc. 1—2, 1953.

Тунгусские элементы в языках тунгусской подгруппы⁹

В области словообразования. Суффикс, посредством которого от названия предмета образуется название другого предмета с назначением охватывать первый предмет: эвнк., нгд. *-птун*; орч., ул. *-пту*; нн., ул. *-пту^н*; нгд. *-пун*; эвн. *-пан*; *-тан* (тип: *ңәлә* «рука», *ңәлэптун* «браслет»). /Суффикс, образующий названия мелких предметов или животных, которым свойственно находиться в скоплениях: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул., нн. *-кта* (в говорах эвнк., нгд., орч. *-хта*); эвн., ул. *-та*; эвн. *-т* (тип: *ңанмакта* «комар»). /Суффикс, образующий названия однородной массы: эвнк., нгд., орч., ул., нн. *-кса*; эвн., ул. *-са*; уд. *-ха* (в говорах эвнк., нгд., орч. *-кса*; эвнк., уд. *-ха*; эвн. *-с*) (тип: *тамнакса* «туман»). /Суффикс, образующий названия признака предмета по веществу или материалу, из которого он сделан: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул., нн. *-ма* (тип: *мәма* «деревянный»). /Суффикс, образующий название признака предмета по времени: эвнк., нгд., орч., уд., ул., в говоре нн. *-пти*; нн. *-пчи*; эвн. *-п*; уд. *-ти* (тип: *горопти* «давний, далекий»). /Суффикс, образующий многократный вид глаголов движения: эвнк., нгд., орч., уд., ул., нн. *-кта*; эвн. *-к* (тип: *туксакта-* «бегать»). /Суффикс, обозначающий органическую потребность в действии: эвнк., эвн., уд. *-му*; эвнк., нгд., нн. *-муси* [*-му + си(н)*]; улч. *-мси*; уд. *-мухи* (тип: *ум-му-* «хотеть пить»). /Суффикс, образующий взаимный залог глагола: эвнк., эвн., нгд., ул., нн. *-мат*, *-мачи*; уд. *-мас*, *-махи* (тип: *ңөрчәмәт-* «бороться»).

В области словоизменения. Суффикс локатива: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул., нн. *-лә¹⁰*, *-дула* (тип: *žүлә* «домой»). /Суффикс инструменталиса: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул., нн. *-ž'и*; эвнк. *-т*; эвн. *-ч*. /Суффикс 3-го лица повелительного наклонения, ед. число: эвнк., нгд., орч. *-бин*; нн. *бини*; орч. *-ини*; ул. *-ž'ини* (тип: *сәбин* «пусть он узнает»); мн. число: эвнк., нгд. *-гитин*; орч. *-гити*, *-ити*; нн. *-гичи*; ул. *-ž'ити*; эвнк. *-ктин* (тип: *сәктин* «пусть они узнают»). /Суффикс будущего времени изъявительного наклонения: 1) эвнк., нгд., орч., орк., нн. *-ž'а*, эвнк. *-ž'ал*; эвн. *-ž'и* (тип: *эмэž'ән*, *эмэž'эллән* «он придет скоро»); 2) эвнк., нгд., орч., уд. *-ž'аңа*; эвн. *-дңа*; ул., нн. *-ңа тани¹¹* (тип: *эмэž'әңән* «он придет завтра»).

Во всех языках Нижнего Приамурья, так же как в эвенкийском, эвенском и негидальском, существуют притяжательные (личные и безличные) формы имен и личные формы глагола.

Эвенкийские элементы в языках тунгусской подгруппы

В области словообразования. Суффикс, образующий название шкур: эвнк., нгд., ул., нн. *-кса*; эвн. *-с*, *-кас* (тип: *ңинакса* «собачья шкура»). /Суффикс, образующий названия частей организма: эвнк., нн. *-ки*; эвнк., орч., уд. *-хи* (тип: *арпукй* «плавник»). /Суффикс, образующий названия места действия: эвнк., нгд. *-кит*; эвн., нгд. *-кич*, *-кичи*; уд. *-кчи* (тип: *бейумэжит* «место охоты на копытного зверя»). /Суффикс, образующий повторительные числительные: эвнк., ул. *-ра*; эвн., эвн. *-рәкән*; нгд., орч. *-йа*; уд. *-леба* (тип: *иларә* «трижды»). /Суффикс, образующий названия числительных для счета дней: эвнк., нгд. *-лда*, *-лла*; эвн. *-ла*; ул., нн. *-лта* (тип: *ž'үлдә* «два дня»). /Суффикс, образующий названия числительных для счета людей: эвнк., эвн., нгд., ул. *-ни* (тип: *иланй* «три человека»).

⁹ Нами приняты следующие сокращения: эвнк. — эвенкийский, эвн. — эвенский, нгд. — негидальский, орк. — орокский, орч. — ороцкий, уд. — удэский, ул. — ульчский, нн. — нанайский, мн. — маньчжурский.

¹⁰ В маньчжурском, как и в нанайском, в некоторых наречиях места суффикс *-ла* (*-лә*) слился с основой слова (*амала* «позади», *фэжсилә* «внизу по реке»).

¹¹ В нанайском эта форма выражает значения пожелания, предложения про-
извести действие: *холаңа-си тани* «почитал бы ты, почитай-ка ты».

/Суффикс, образующий уменьшительно-пренебрежительную форму имен: эвнк., эвн., нгд., орч., нн.¹² -чан (тип: *ңианччан* «собачонка»)/Суффикс, выражающий стремление к действию: эвнк. -кса (-*кси*); эвн. -*счи*; орч. -*кча*; нн. -*кича* (тип: *ичэксэ* «стремиться увидеть»)/Суффикс, образующий начинательный вид действия: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул. -*л(и)*, -*ли*; нн. -*лу/-ло* (тип: *ичэчил-* «начать смотреть»).

В области словоизменения. Суффикс аллатива: эвнк., эвн., нгд. -*ткй* ~ -*ткй*; орч., ул. -*ти*; уд. -*тиги*; нн. -*чи* (в наречиях места эвнк., эвн. -*ски*; орч., ул., нн., мн. -*си*; уд. -*хи*) (тип: эвнк. *бираткй* «к реке», *дискй* «вверх по горе»)/Суффикс аблатива: эвнк., эвн., нгд. -*дук(и)*; орч. -*дуйи*; уд. -*диги* (тип: эвнк. *ж'удук* «из дома»)/Суффикс пролатива: эвнк., эвн., нгд., орч., уд. -*лй*, -*дулй* (тип: эвнк. *биралй* «по реке»)/Суффикс элатива: эвнк. -*гит*, -*гиг'и*; эвн. -*гич*; уд. -*ж'иг'и*; нн. -*ж'еа'ж'и* [тип: эвнк. *бирагит* «с реки» (дуть)]/Суффикс 1-го лица ед. числа наст. времени повелительного наклонения: эвнк., нгд. -*кта* (<-*гита*); нн. -*гита*; ул. -*ж'ита* (тип: эвнк. *окта* «сделаю-ка я»)/Суффикс настоящего времени для глагола отрицания *э-* и глагола существования *би-*: эвнк., эвн., нгд., орч. -*си*; эвнк. -*с(э)*. Перечень эвенкийских грамматических элементов в языках Нижнего Приамурья можно значительно увеличить.

Маньчжурские элементы в языках Нижнего Приамурья

Суффикс, образующий прошедшее время: мн., нн., ул., уд., орч. -*ха* (в уд. этот показатель имеют только основы, оканчивающиеся на гласный)/Суффикс, образующий условно-временное деепричастие: мн. -*фи*; нн. -*ни*/Суффикс, образующий качеств. прилагат. мн., нн. -*ку*.

Числительные. 20: мн. *орин*, нн. *хорин*, ул. *хури*^н, уд. *вайн*, орч. -*ои*^н; 30: мн. *гусин*, нн. *гочин*, ул. -*гуми*^н, орч. *гуми*; 40: мн., нн. *дэхи*, ул. *дэги*, *дэйи*; 50: мн., ул. *сусай*, нн. *сосай*, *соси*; 100: мн., ул., уд., орч. *тангу*, нн. *эм тангу*; 1000: мн. *минган*, нн. *менг*^н, ул. *минга*^н, орч., уд. *минга*.

Как видно, в языках Нижнего Приамурья число тунгусских и эвенкийских грамматических элементов значительно превышает количество маньчжурских элементов. В лексике указанных языков тунгусские слова служат для обозначения явлений, относящихся к природе горной тайги, к быту бродячего охотника, его представлениям и обрядам. Маньчжурские и монгольские лексические заимствования соответственно служат для выражения понятий, пришедших с юга.

Проследим элементы тунгусской лексики, выражающие следующие значения¹³. /«1) Гора, покрытая лесом; 2) лес»: эвнк. *урэ* (1); нгд. *уйэ* (1); эвн. *урэччэн* (1); орч. *уэ* (1); уд. *уэ* ~ *вэ* (1); орк. *хурэ* (1, 2); ул., нн. *хурэ*^н (1, 2). /«Исток (реки)»: эвнк., эвн. *дэрэн*; нгд. *дыйэн*; орч. *дэрсэу*; уд. *дэ*; орк. *дэрэ*; ул., нн. *дэрэ*^н. /«Горная тундра, сфагновое болото»: эвнк., нгд., эвн. *дэт*; орк., ул., нн. *дэту*. /«Лиственница»: эвнк., нгд. *ирэктэ*; эвн. *ирэт*; орч., уд. *йэктэ*; орк. *урэктэ*; нн. *уракта*. /«1) Осина; 2) тополь»: эвнк. *хула* (1); нгд. *хол* (1), *холдан* (2); эвн. *хул* (1); орч. *хулу* (1); уд. *пулу* (1); ул. *поло* (1); нн. *фулха* (2). /«Гора (хвойного дерева)»: эвнк., нгд., орч. *удакса*; уд. *уакта*; нн. *удаха*. /«1) Олень; 2) лось; 3) крупный копытный зверь»: *бэйу* — эвнк. (1, 2, 3), нгд. (2), эвн. (1), ул. (1, 2); *буйу* — орч. (2, 3), уд. (3); нн. *бэйу* (1, 2, 3); орк. *буйу* «медведь». /«Заяц»: эвнк. *туксаки*; нгд. *токсаки*; орч., уд., орк. *тукса*; ул., нн. *токса*. /«Рысь»: эвнк., орч., уд. *тыб'ж'акй*; нгд. *тыб'ж'эхи*; эвн. *чиб'ж'ахи*; орк., ул., нн. *тугдэ*. /«Выдра»: эвнк. *ж'укун*; нгд. *ж'укун*; эвн. *ж'укан*; орч., нн. *ж'уку*; уд. *ж'угу*. /«Лыжа»: эвнк. *кинңэ* (1. «лыжа без меха»), *суксилла* (2. «лыжа с мехом»); нгд. *кинңэ* (1), *сохсила* (2); орч. *киңили* (1), *сукта* (2); уд. *киңилэ* (1), *сугала* (2); орк., уд., нн.

¹² В ванайском эта форма встречается редко.

¹³ В скобках цифрой указывается, какое именно из перечисленных значений имеет приведенное слово.

киңилтэ; орк. *с'унулта*; ул. *султа*; нн. *сокселта*./ «Сеть»: эвнк. *адыл/адал*; нгд. *адел*; эвн. *адал*; орч. *адули*; уд. *адыли*; орк. *адури*; ул. *адули*; нн. *адоли*./ (1) Линь; 2) карась; 3) налим; 4) рыба»: эвнк. *сугэ'анна* (1); нгд. *сугэ'анна* (1); эвн. *хугэ'анра* (1); орч. *сугэ'асе* (4); уд. *сугэ'эхэ* (4); орк. *сугдаи* (2); ул., нн. *сугда(-та)* (4)./ «Рыба»: эвнк. *олло*; нгд. *оло*; эвн. *олра*; уд. *олохо*; орк. *холто*; ул., нн. *холто*¹⁴./ (1) Молока; 2' икра»: эвнк., нн. *чапа* (1); орч., уд. *чафа* (2)./ «Место, расположенное против входа в жилище»: эвнк., нгд., уд., орк., ул., нн. *малу*; эвн. *мал*./ «Штаны, трусы (натазники)»: эвнк. *хэрки*; нгд., орч. *хэйки*; эвн. *хэркэ*; уд. *хэйги*; орк., ул., нн. *пэру*./ «Унты (обувь)»: эвнк., эвн., нгд., орч., уд., ул. *унта*; нгд. *онта*; нн. *ота*./ «Рукав»: эвнк., нгд., орч. *уксэ*; эвн. *ус*; уд. *укихэ*; ул. *вэскэ*; нн. *хуэксэ*, *хуксинтун*./ «Рукавицы»: эвнк., нгд. *коколло*; орч. *коокто*; уд. *к'оло*; нн. *колто*./ «Нагрудник»: эвнк., эвн. *нэл(и)*; орч., уд. *лэли*; нн. *лэлу*./ «Охра, сурик (рыжая и красная краска)»: эвнк., ул. *дэвэксэ*; эвн. *дэвэ*; орч. *дэвуксэ*; нн. *дэуксэ*./ (1) Сосед; 2) гость; 3) соседить»: эвнк. *нимэк* (1), *нимэр* (2), *нимэ-* (3); нгд. *нимэх* (1), *нимэ* (3); эвн. *нимэр* ~ *нимэк* (1); орч., уд. *нимэнкэ* (1); орк., ул., нн. *нимэ* (1)./ «Осмениваться»: эвнк. *дюгэт-* (*дюгэчи-*); эвн. *дюгэн-*; орч. *дюзэчи-*; уд. *дюзэс-*; ул. *дюзэчи-*; нн. *дюзэчиэ-*./ «Сказка, сказание»: эвнк. *нимцакан*; эвн. *нимкан*; орч. *ниммахачи*; уд. *ним'анку*, *нима*; орк., ул. *ниңма*; нн. *неңма*./ «Камлать»: эвнк. *нимца*; ул. *ниңман*; нн. *неңман*./ «Побеждать»: эвнк. *даббэ-~даббэ*; эвн. *даббэ*; уд. *дабдумас-*; орк. *дабде-*; нн. *дабдис-*./ «Душа (душа-тень)»: эвнк., нгд. *хан'ан*; эвн. *хан'ин*; орч., уд. *хан'а*; орк. *пан'а*; ул. *пан'а*; нн. *пан'еа*¹⁴ и т. д.

Перечень слов тунгусского происхождения можно значительно увеличить. Собственно эвенкийская лексика отражена в языках Нижнего Приамурья различно, причем в некоторых из них количество слов эвенкийского происхождения изменяется от говора к говору. В отдельных говорах языков Нижнего Приамурья отмечаются некоторые фонетические явления, сближающие эти говоры с отдельными диалектами эвенкийского языка. Эти факты могут говорить о разновременности вхождения эвенков в состав той или иной народности Нижнего Приамурья.

Приведенные факты в достаточной степени свидетельствуют о родстве и близости культур и языков народов Нижнего Приамурья и эвенков. С учетом этого родства мы предлагаем деление тунгусо-маньчжурской группы на две ветви; такое деление нам кажется более соответствующим фактам истории и менее формальным, чем предлагаемое В. А. Аврориным деление на три ветви. Для наименования ветвей тунгусо-маньчжурской группы мы предлагаем сохранить традиционные, употребляющиеся в этнографической литературе названия — тунгусская и маньчжурская: во-первых, они соответствуют историческим названиям народов (тунгусы, маньчжуры), языки которых по новой классификации предлагается объединить в тунгусскую и маньчжурскую ветви; во-вторых, эти названия не совпадают ни с самоназваниями народов, говорящих на языках тунгусской ветви, ни с наименованиями этих языков (сейчас нет тунгусов и тунгусского языка, а есть эвенки, эвены и негидальцы; в свою очередь, почти все маньчжурское население Китая говорит на китайском языке, и маньчжурский язык, как и чжурчженьский, становится уже достоянием истории). Наименование же ветвей тунгусо-маньчжурской группы по странам света искусственно: даже Аврорин еще окончательно не решил, как называть маньчжурскую ветвь — восточной или западной.

Для наименования подгрупп тунгусской ветви нам кажется правильным применять названия «сибирская» и «нижнеамурская»: во-первых, эти названия нейтральны в отношении наименований современных народностей; во-вторых, основная масса народов нижнеамурской подгруппы населяет районы Нижнего Приамурья (исключение составляют ороки,

¹⁴ В удийском, орокском, ульском и нанайском приведенные слова обозначают вареную рыбу.

живущие на Сахалине), а все народы сибирской подгруппы населяют большую часть Сибири. Деление тунгусской ветви на нижеамурскую и сибирскую подгруппы и наименование указанных ветвей и подгрупп соответствует и принятому в публикуемом Сибирском этнографическом атласе выделению типов разных элементов культур и их вариантов, а также наименованию этих типов и их вариантов (например, тунгусский тип и его нижеамурский вариант). Языки нижеамурской подгруппы, сохраняя в основе черты общности с языками сибирской подгруппы и маньчжурской ветви, имеют свои особенности (в лексике, фонетике и отчасти — в морфологии), позволяющие выделить их в отдельную подгруппу.

Фонетические особенности, в разной степени характерные для языков Нижнего Приамурья и не свойственные другим языкам тунгусо-маньчжурской группы, могут быть отнесены за счет субстрата — языков аборигенов, населявших Нижнее Приамурье и Приморье севернее и южнее устья Амура до выхода туда тунгусоязычных охотников.

Ниже мы приведем несколько примеров фонетических изменений, имевших место в тунгусской лексике и показывающих, что фонетика современных нижеамурских языков складывалась и развивалась под влиянием различных, но родственных между собою языков аборигенного населения.

1. Негидальскому, ороческому и удэйскому языкам не свойствен звук *р*, характерный для эвенкийского; во всех случаях его заменяет среднеязычный *й*: эвнк. *бэр* «лук», нгд. *бэй*, орч., уд. *бэй*~*бий*; эвнк. *бира* «река», нгд. *бейа*, орч. *бийака*, уд. *беэса*; эвнк. *гара* «ветвь», нгд. *гайа*, уд. *га*; эвнк. *оросол* «олени», нгд. *ойосол*, орч. *оласа*, уд. *оло*.

2. В ороческом и удэйском языках звуко сочетания *лд*, *лг*, *лб* в словах тунгусского происхождения претерпели изменения: *лд* > *гд*; *лг* > *гг*, *г*, *гд*; *лб* > *бб*, *гб*. Например: эвнк. *балды*-«родиться», орч., уд. *багды*-; эвнк. *олдон* «бок», орч., уд. *огдо*; эвнк. *олго*-«сохнуть», орч. *огги*-«сушить», уд. *ого*-«сохнуть», *огду* «сушенный»; эвнк. *длаган* «голос», орч. *дгеган*, уд. *дгган*-«издавать звуки»; эвнк. *долбо* «ночью», *долбонй* «ночь», орч. *доббо*, уд. *долбони*; эвнк. *элбэс*-, уд. *эгбэси*-«плыть, купаться».

3. Во всех языках Нижнего Приамурья тунгусские звуко сочетания *рб*, *рп*, *рг*, *рк*, *рч*, *рл* в ряде слов претерпели изменения. Например: эвнк. *гэрби* «имя», мн. *гэбу*, нгд. *гэлби*, орч. *гэбби*, *гэбу*, уд. *гэгби*, ул. *гэбу*, нн. *гэрбу*~*гэбу*; эвнк. *арба* «мель», нгд. *абби*, ул. *халба*, нн. *харба*; эвнк. *гарпа*-«восходить (о солнце); стрелять», мн. *габта*-, нгд. *гатпа*-, орч. *гаспа*-, уд. *гакпа*-, ул., нн. *гарпа(л)*-; эвнк. *арпу*-«опахаты, махаты», мн. *хаптала*-, нгд. *атпу*-, орч. *аппу*-, уд. *акпу*-, ул. *харпули*-, нн. *хапола*-, эвнк. *ирги* «хвост», нгд., орч., уд. *игги*, уд. *хүзү*, нн. *хуйгу*; эвнк. *бургу* «жирный», нгд. *бэйгэ*, орч. *бэггэ*, уд. *бого*, ул. *бэз'э*~*буз'у*, нн. *буйгу*»; эвнк. *иргэ* «мозг», мн. *учжу*, нгд. *иггэ*~*идгэ*, ул. *иэ'э*, нн. *игэ*; эвнк. *ургэ* «тяжелый», мн. *учжэн*, нгд. *уйгэгды*, орч. *угэси*, уд. *угэхи*, ул. *хүз'э*~*ули*, нн. *хуйгэ*; эвнк. *уркэ* «дверь», мн. *учэ*, нгд. *уйкэ*, орч. *уккэ*, уд. *укэ*, ул. *учэ*, нн. *уйкэ*; эвнк. *хурка* «петля» (при охоте на птицу), мн. *хурка*, *хурга*, нгд. *хойка*, орч. *хукка*, уд. *хука*, ул. *пуча*, нн. *пойка*; эвнк. *арча*-«встретить», мн. *арча*- («преграждать путь зверю»), нгд. *алча*-, орч. *ача*-, уд. *асали*-, ул. *ачал*-, нн. *ачан*-.

4. В ряде слов в звуко сочетаниях *пк*, *бг*, *мн* происходят перестановки звуков, ассимиляции или замены одних звуков другими. Например: *пк* > *к*, *кп*: эвнк. *ж'апка* «берег, край», мн. *ж'ака*, орч., уд., ул., нн. *ж'акпа*; эвнк. *ж'апкун* «восемь», мн. *ж'акун*, орч., уд. *ж'акпу*, ул., нн. *ж'акпу*»; эвнк. *тыпкэн* «гвоздь, клин», орч. *тыппэ*, уд. *тыкгэ*, ул., нн. *тукпэ*»; *мң* > *нң*, *мм*, *ңм*: эвнк. *амңа* «рот» (в мн. *анңа* — другого происхождения), орч. *амма*, уд., нн. *аңма*; эвнк. *нимңакан* «сказка, сказание», орч. *ниммахачи*, уд. *ним'анку*, ул., нн. *ниңма*, *неңма*; *вг* > *бг*, *бб*, *гб*: эвнк. *сэггу*~*субгу* «рыбья кожа», орч. *суббу*, уд., ул. *сугбу*, нн. *согбо*; эвнк. *лигган*~*либган*-«подавиться, проглотить», орч. *нуңбэ*-, ул., нн. *луңбэ*-.

5. Эвенкийскому окончанию *-н* в ороческом и удэйском соответствует нуль звука, а в нанайском и ульчском исчезновение конечного *-н* компенсируется наализацией гласного. Например: «копытный зверь (олень, лось): эвнк. *бэйун*, нгд., эвн. *бэйун* ~ *буйун*, ул., нн. *бэйу*^н > *бэйу*, уд., орч. *буйу*; «шапка»: эвнк., нгд., эвн. *авун*, ул. *апу*^н, нн. *апо*^н, орч., уд. *ау*, орк. *апу*; «домашний олень»: эвнк., эвн. *орон*, нгд. *ойон*, нн., ул. *оро*^н, уд. *оро*, орч., орк. *ула*, орч. *ола*.

Таким образом, замена тунгусского *-р*-среднеязычным *й* имеет место в негидальском, удэйском и ороческом; переход тунгусских звуко сочетаний *-лд* > *-гд*; *-лз* > *-гз*, *-гд*; *-лб* > *-бб*, *-гб* отмечен только в ороческом и удэйском языках; переходы тунгусских звуко сочетаний *-рб* > *-б*, *-лб*, *-бб*, *-гб*, *-дб*; *-рп* > *-п*, *-бт*, *-тп*, *-сп*, *-кп*, *-пт*, *-пп*, *-кп*; *-пк* > *-к*, *-кп*, *-пп*, а также *-мң* > *-ңң*, *-мм*, *-ңм* имеют место во всех языках Нижнего Приамурья и в маньчжурском; переход звуко сочетания *-рг* > *-гг*, *-йг*, *-г* отмечен во всех языках Нижнего Приамурья, а в отдельных случаях и в маньчжурском; переходы звуко сочетаний *-рк* > *-ч*, *-йк*, *-кк*, *-к*; *-рч* > *-ч*, *-с*, *-лч*, а также *-вг* ~ *-бг* > *-бб*, *-гб*, *-ңб* наличествуют во всех языках Нижнего Приамурья.

Указанные немногочисленные фонетические данные свидетельствуют о том, что языки нижеамурской подгруппы развивались во взаимодействии с языками аборигенов, что и отличает эту подгруппу от языков сибирской подгруппы. Маньчжурский язык испытал влияние аборигенных языков в весьма незначительной степени; лишь в отдельных словах общетунгусские звуко сочетания (*-рб*, *-рг* и др.) в маньчжурском заменены другими, в большинстве же случаев они сохраняются (ср., например: эвнк. *гэрби*, мн. *гэбу* «имя» и эвнк. *хэргилэ*, мн. *фэчжилэ* «внизу», где такая замена производится; но эвнк. *арба*, мн. *харба* «мель» и эвнк. *тургэн*, мн. *тургэн'* «быстрый», где общетунгусские звуко сочетания сохраняются). Этот факт говорит о том, что замена сочетаний согласных в маньчжурском языке происходила не таким путем, как в языках Нижнего Приамурья.

Наличие в одних случаях одинаковых фонетических явлений не тунгусского происхождения во всех языках Нижнего Приамурья свидетельствует о родстве языков аборигенов. Например, нетерпимость к дрожащему *-р*-распространилась и на негидальский язык в низовьях р. Амгуни. Но если в негидальском общетунгусский *-р* заменился во всех случаях среднеязычным *-й*- или боковым *-л*, то в языках Нижнего Приамурья *-р* заменялся по-разному в зависимости от того, находился ли он в интервокальном положении или в сочетании с согласным (например: *-рб* > *-б*, *-гб*, *-бб*; *-рп* > *-кп*, *-пп*, *-п*; *-рг* > *-гг*, *-йг*, *-г*, *-з'*; *-рк* > *-кк*, *-йк*, *-к*, *-ч*; *-рч* > *-ч*, *-с*; *-пк* > *-кп*, *-пп*, *-к*; *-мң* > *-мм*, *-ңм*; *-вг* ~ *-бг* > *-гб*, *-бб*). В других случаях влияние фонетики аборигенных языков, проявившееся в замене общетунгусских согласных в некоторых иных звуко сочетаниях, зафиксировано на ограниченной территории, а именно — к югу от низовьев Амура, где оно распространялось на языки орочей и удэ. Эти языки, кроме вышеуказанных явлений, характеризовались еще и нетерпимостью к боковому *-л* в сочетаниях с согласным (*-лд* > *-гд*; *-лз* > *-гз*, *-гг*; *-лб* > *-гб*, *-гз*). Интересно, что и такое явление, как усечение конечного *-н*, распространившееся в языках орочей и удэ, в других (нанайский и ульчский) на территории самого Амура и Сунгари отразилось неполностью, обусловив наализацию согласного. Эти факты свидетельствуют о существовании различий между родственными языками аборигенов.

Мы несколько отвлеклись от рассматриваемого вопроса с тем, чтобы на примерах фонетических изменений слов тунгусского происхождения показать еще одну сторону вопроса, подтверждающую правильность деления тунгусо-маньчжурских языков на две ветви (тунгусскую и маньчжурскую) и большее соответствие предлагаемых названий для подгрупп тунгусской ветви — сибирской и нижеамурской.